

14	0219	ЕВГЕНИЙ РЕЙН	«Крепкий мой орешек»
----	------	--------------	----------------------

«Крепкий мой орешек» (Коренблит – Рейн)

1. И я припомню	– 2.13
2. Одесский романс	– 2.02
3. Матери	– 1.59
4. У лукоморья	– 2.40
5. Унылая пора	– 1.39
6. Тёплая зима	– 1.39
7. Снегопад	– 1.17
8. Безрассудник	– 1.19
9. Великое зимовье	– 1.40
10. Ты читаешь	– 1.48
11. Я здорово озяб	– 1.43
12. Не оставляй меня	– 1.52
13. Зашуршала душа	– 1.08
14. Метро	– 1.37
15. Троллейбус «Б»	– 1.35
16. Уймись, моя тоска	– 1.09
17. Зеркала измену прячут	– 1.39
18. Швея	– 1.17
19. Крепкий мой орешек	– 1.51
20. Слепая жизнь моя	– 2.08
21. Белая ночь	– 1.23
22. Речной трамвай	– 1.39
23. Меня не мучь	– 1.34
24. Воспоминания	– 1.43
25. 21 декабря	– 1.18
26. Ворон	– 1.05
27. В экспрессе ночном	– 1.44
28. Братья, пустите домой	– 1.26
29. Я знаю	– 0.59
30. В этом доме	– 1.36
31. Музе	– 1.43
32. Виток	– 1.20
33. Прими свой удел	– 1.29
34. Прости меня	– 1.33

Общее время звучания – 54.56

СОДЕРЖАНИЕ

1. И Я ПРИПОМНЮ

Сойду на пристани, взойду по лестнице,
пройду по Пушкинской и Дерибасовской,
войду во дворик я, где у поленницы
стоит фонтан с разбитой вазочкой.

Он сонно капает слезою ржавою,
а прежде славился струею пресною.
И я припомню жизнь дешевую
и роскошь южную и воскресную.

Рубашку белую и юность целую,

тебя во дворике под полотенцами,
и ничего я не поделаю
под полосатыми полутенями.

Так славно в августе, и надо малости —
винца в бутылочке, мясца на вилочке.
А ты дурачишься, стоишь, ломаешься
в своем одесском переулочке.

Когда же вечером выходим в город мы,
где одиночки горе мыкают,
и где купальщики проходят голыми,
и пароходы за море двигают.

Тебе мерещится Европа глупая,
а мне — матраса дерюга грубая.
О юность лютая, Одесса людная,
на пляжах галька такая крупная.

Но твой проулочек забылся накрепко,
и вот теперь зашел и слушаю:
и нету хохота, и нету окрика,
фонтанчик капает слезою рыжею.

2. ОДЕССКИЙ РОМАНС

Ах, эти улочки, дома поддельные
такие старые и — как во Франции.
А сами улочки стоят под деревом,
идут за деревом, не поворачивая.
Они с фонтанами, они за листьями,
такие улочки, такие лиственницы,
где море гладкое плывет — вон там они,
уже не улицы, а просто лестницы.
Но что мне сделалось, ах, эта девочка,
такая добрая, как наша Франция.
Мы с ней увиделись на свете давеча
и ходим, этот случай празднуя.
Нас пароходы не возят средние,
на них тоска вся пароходная,
они бегут, как волны летние,
морские пятна перекатывая.
Но мне ведь весело сидеть у города
и целовать тебя у ворота —
и эти зубы твои короткие,
и ноги светлые и ровные.
И гладить пляжи твои песчаные,
Тебе не сторониться мальчиков,
Где мы сидели освещенные
Прожекторами темных тральщиков.

3. МАТЕРИ

Разбуди меня утром в четыре часа
и скажи, что дурная прошла полоса,

и воскресный рассвет, как в церковном окне,
 пролетит по паркету к затемненной стене.
 И под утлый огонь той последней зари
 все, что знаешь, о будущем мне говори.
 Глядя в купол на роспись Его торжества,
 я тебе обещаю — ты будешь жива.
 Нет ни жизни, ни смерти, ни меня, ни тебя,
 только свечи горят в глубине октября,
 и архангел пикирует, как «мессершмитт»,
 и твой голос со мной до утра говорит.
 До свиданья, молись за себя, за меня,
 эти стены не выстоят, нас затемняя,
 и, когда мы увидим простор Божества,
 я скажу тебе слово, а ты мне слова.

4. У ЛУКОМОРЬЯ

«У лукоморья дуб зеленый...»
 Мясной, тяжелый суп соленый
 да мутноватая бутылъ.
 Четвертый день несносный дождик,
 экскурсовод, лесник, художник
 Погоды ждут — все гиль.

Привез леща я из Ростова.
 У положенья холостого
 есть преимущество одно —
 внезапные перевороты
 по поводу тоски, погоды.
 В двенадцать дня темно.

Без пропусков обсерваторий
 тьма наступает, как Баторий,
 когда он шел на Псков
 по этим вот местам священным,
 под влажно-синим освещеньем
 готов я, не готов?

К огню и людям жмутся тени,
 стучат разбитые ступени.
 Кто там? А никого...
 Давно ли я ушел из дома?
 Что это — сон или истома?
 А счастье какво?

Не знаю. Жизни выкрутасы,
 а может, девочка с турбазы,
 что забегает вдруг.
 Иль шум дождя о рубероид,
 овчина, что меня укроет,
 и голоса старух.

О чем они теперь судачат?
 Мой день окончен? Он не начат,

я только что рожден.
 Сам перегрыз я пуповину,
 сегодня прожил половину,
 что будет завтра днем?

5. УНЫЛАЯ ПОРА...

О чем вы, ветер лопочущий,
 поток и листопад?
 Вино спасет от полночи,
 от сырости — табак.
 От лампы керосиновой
 спасает полный мрак.
 Без обуви резиновой
 не проживешь никак.

Ненастья и безумия
 боялся я всегда,
 безлюдья, полнолуния
 и влаги у виска.
 Ах, осень беспощадная,
 наверно, ты близка.
 Скрипит крыльцо дощатое
 от мокрого песка.

И водит кто-то маленький
 в цилиндре и плаще,
 и смотрит бедным лакомкой
 на водку и вообще.
 То местный дух неистовый,
 чей ревматизм в плече.
 Какая, Боже, истина
 заключена в ключе!

6. ТЁПЛАЯ ЗИМА

Стояла теплая зима,
 кончались дни легко и дымно,
 я веселился непрерывно,
 до помрачения ума.
 Был подмосковный снежный парк
 с водохранилищем замерзшим,
 и снег слоеный слабо пах
 нецеженным брусничным морсом.
 Платформа «Тушино», трамвай
 до станции глубокой «Сокол»...
 Нет, ничего не забывай —
 ни этот дом, ни черный цоколь,
 не замечай тридцатки лет
 и перемен неотразимых,
 сезонный проездной билет,
 раскатанный на долгих зимах.
 Судьба подкуплена сама,
 душа загублена навечно,
 под теплым куполом зима

в меха закутана, конечно.

7. СНЕГОПАД

Падал снег беззаботно и тихо,
залепляя бульвар и кольцо,
налетая на счастье и лихо,
увлажняя пальто и лицо.

Уходил по моим переулкам,
и ладонью глаза заслонял,
и вывязывал вензель по буквам,
и слова, ободряя, ронял.

Наконец я решился на это
и сказал, обратясь к небесам:
«Ничего невозможного нету!
Или это ты выдумал сам?»

И ответил мне снег, отлетая:
«Это можешь решить ты один!»
И его голова молодая
посветлела от ранних седин.

8. БЕЗРАССУДНИК

На старом Арбате
промозглый снежок.
Он кстати, некстати
мне щеки прожег.

Как в давнее время,
как черной зимой
в моей теореме
идет по прямой.

Он ищет союза
в исходе немом,
как гипотенуза
над темным углом.

Как сумрак всеильный,
что днем и с огнем,
как верный посыльный
с секретным письмом.

Пора отступиться
от этих и тех,
и тут оступиться,
пожалуй, не грех.

Ведь то, что осталось
за всей пеленой,
причуда и малость
в заботе земной.

Что было, то было,
он все стушевал,
им напрочь покрыло
разнос и развал.

Нам жизнью обещан
бессменный январь,
и холодом вещим
грозит календарь.

И всякий отступник
от слякотных лет
и есть безрассудник,
проникший в секрет.

9. ВЕЛИКОЕ ЗИМОВЬЕ

Январская теплынь и птах не подморозит,
вот в городском саду панует воронье.
Неужто и февраль нам зиму не воротит?
Как мутрно сейчас в предзимье без нее!
О, если бы пройти путем оледенелым,
узнать морозный звук тоскующих снегов,
увидеть этот свет как белое на белом,
сообразить, что он воистину таков.
И тут же наконец, переселясь на взморье,
добраться до тебя, открытый окоем.
Побудь со мной хоть день, Великое Зимовье,
всего один денек, без всех, вдвоем, вдвоем.
Позволь я подойду к тебе тогда вплотную,
проглянет за тобой твой век и материк.
За целый день тебя от силы разлиную
и поцелую твой заиндевелый лик.

10. ТЫ ЧИТАЕШЬ

Ты читаешь вполголоса,
абажур светлокож.
Свет, пронзающий волосы,
на сиянье похож.
В этот вечер гадания
все, что будет, сошлось
и скрестилось заранее,
и пронзило насквозь.
Чем страшнее история
в старой книге твоей,
тем яснее крестовая
тень в проеме дверей,
то обиды и горести,
точно доски, грубы...
Вот и свежие новости
с перекрестка судьбы.
Ты читаешь, не видишь их.
Так и быть — не гляди,

все осилив и выдюжив,
ты прижмешь их к груди.

11. Я ЗДОРОВО ОЗЯБ

Нет вылета. Зима. Забит аэродром.
Базарный грош цена тому, как мы живем.
Куда мы все летим? Зачем берем билет?
Когда необходим один в окошке свет.
Я вышел в зимний лес, прошел одну версту,
и то наперерез летел всеильный Ту.
Он сторожил меня овчаркой злых небес.
Я помахал ему перчаткой. Он исчез.
И я пошел назад по смерзшейся лыжне.
Я здорово озяб, и захотелось мне
обратно в теплый дом, где мой в окошке свет.
Крылом и колесом не оправдаться, нет!

12. НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ

Мокрой зимы всепогодные сводки
нам объявить на прощанье готовы
невероятность мечты-первогодки,
важную бедность последней обнови.

В старой усадьбе бессмертные липы
нас пропускают едва на задворки,
но, присмирившие, как инвалиды,
шепчут вдогонку свои поговорки.

Вот и стоим мы над белым обрывом
в мутном отливе последнего света.
Было безжалостным и справедливым
все, что вместилось в свидание это.

Все, что погибло и перегорело
и отравило последние стопки,
вот и стоит на границе раздела,
как на конечной стоят остановке.

Вот почему этот мокрый снежок
склеил нам губы и щеки засыпал,
он, как упрямый студентик-заочник,
выучил правду в часы недосыпа.

Правду неправды, удачу неволи —
все, что отныне вдвоем приголубим.
Не оставляй меня мертвого в поле,
даже когда мы друг друга разлюбим.

13. ЗАШУРШАЛА ДУША

Прилетел кардинал,
рассказал о весне.
Снег растаял почти,
и под снегом на дне

из-под талой воды
 проступила трава,
 как и я в эти дни,
 ни жива, ни мертва.

На поляне в саду
 прошлогодней листвой
 зашуршала душа,
 уходя на покой.
 Кто такой — не пойму,
 то ли еж, то лимышь,
 или ты, моя мама,
 за мною следишь?

За последним холмом
 нераскрывшийся край.
 Он чужой. И не надо,
 и не открывай.
 Что твое – то твое,
 за тебя решено.
 Поручают одно,
 и ответ за одно.

14. МЕТРО

Апреля сиротская глина
 обмажет подошвы твои.
 Рассыпья, моя дисциплина!
 Не мучь, не мути, не дави!
 Под хладный кирпич пятилеток
 спускаюсь в могилу метро,
 как хочется, чтоб напоследок
 мне стало светло и тепло.
 О, сколько же выпало дальней
 и бедной судьбы кочевой
 до смерти моей радиальной
 по жизни моей кольцевой!
 Хватило на долгие годы
 всего, чтобы мне ошалеть.
 И не было только свободы.
 О ней и не стоит жалеть.
 Не стоит рыдать и браниться,
 бросать грязноватый кулак.
 Свобода — свободная птица.
 Ее не прикормишь никак.
 Тем более в комнатах наших
 замучены сном и трудом.
 Мы ей надавали пятнашек
 и руки умыли потом.
 И вот, от размокшей землицы
 спасаясь в московском метро,
 глядите, глядите на лица:
 все кончено, ясно, мертво.

15. ТРОЛЛЕЙБУС «Б»

Суета сует,
толчея толчей,
предзакатный свет
твой и мой — ничей
Мой троллейбус «Б»,
почему не «А»?
Говорю тебе,
что всему хана.
А куда пойдешь,
разве на вокзал?
Но не суматошь,
глянь, как сумрак ал.
На него падет
ночь, темней ночей.
Это наш оплот:
твой и мой — ничей.
Поведи меня
на чужой чердак,
отпусти меня
просто, просто так.
Ты меня умней
в девятнадцать лет,
глянь — из-за дверей
беспробудный свет!
У меня пальто —
шелковистый кант,
купим то и то
и развяжем бант.
В шесть утра опять
на троллейбус «Б».
Подойди, погладь —
говорю тебе.

16. УЙМИСЬ, МОЯ ТОСКА

Размешан снег и прах —
распутица несносна.
И на семи холмах
Москва великопостна.
Промокли сапоги
на площадях Восстаний.
Поди-ка обеги
все семь высотных зданий.
Поди-ка получи
сто семь рублей и мелочь.
Холодные ключи
в какую цель нацелишь?
О, как разбухла дверь
разрушенной квартиры!
И падает капель
за воротник задиры.
Перекрести, Москва,
меня на эту Пасху.

Уймись, моя тоска,
и повтори подсказку.
Залечь до сентября
вблизи Преображенской,
где смутная заря
чадит в тиши блаженной.
И дальний перестук,
что возле трех вокзалов,
последний близкий друг
всех павших и усталых.

17. ЗЕРКАЛА ИЗМЕНУ ПРЯЧУТ

Три месяца я вас не видел —
набережные, дворцы, каналы.
Когда уехал, слезы вытер:
как не бывало, как не бывало.

Когда вернулся, шел дождь мертвецкий,
и я напялил пальто-палатку.
Прошел я с чемоданом Невский
и повернул к себе на Фонтанку.

И все как было, когда-то было!
Мой домовый ловчит и тычет.
И все, кто были, войдут, как прежде,
и каждый место свое отыщет.

А за стеною пробьет двенадцать,
и затопчут они в прихожей.
А мне как быть, куда деваться?
Здесь пахнет платьем твоим и кожей.

Трещат обои, и тени скачут,
и зеркала измену прячут.
Твою измену, мою измену,
но мы друг другу знаем цену.

Под этот дождик и северо-запад
не вынуть ножик и не заплакать.
Сдавить бы горло, призвать к ответу!
Не стоит. Я через день уеду.

18. ШВЕЯ

Окно на первом этаже над Невкой,
трамвай гремит на вираже возле мечети.
Я постучу тебе в стекло монеткой,
орел и решка — вот и все на свете.

Я подходил и видел через щелку,
как тень врзлет на потолке скользила.
Все позабыл, лишь нитку да иголку
припоминаю в доме у залива.

Все ниже, ниже абажур спускался.
 Потом двенадцать за стеною било.
 И пестрый кот приятельски ласкался.
 А ты все шила. Как ты долго шила!

Еще дрожит под сквозняками рама,
 еще шипит замолкшая пластинка,
 но нет будильника, а подниматься рано...
 И ночь сама примерка и блондинка.

19. КРЕПКИЙ МОЙ ОРЕШЕК

Возле жерл Преображенского собора
 в перезвон обедни
 не гляди злопамятно сурово.
 Брось былые бредни!
 Был я виноват и, верно, буду —
 как ты тороплива!
 Те, что ставят свечку, —
 верят в чудо, ждут отлива.
 Видела на териокском пляже,
 как волна уходит?
 Отпускает, обнажает даже
 срок, что нами прожит.
 Все измены, все негодованья,
 срывы и скандалы...
 Погляди, как в гневный час свиданья
 даже тучи алы.
 Никогда и ни единой клятвы
 не давал тебе я.
 Просто мы угрюмы и нескладны,
 говорю, робея.
 Просто никогда под эту астму,
 эти всплески
 не были мы истинно несчастны
 в шепоте и блеске.
 Лишь теперь и то под злющим гримом
 всех твоих усмешек
 объявляю: был твоим любимым,
 крепкий мой орешек!

20. СЛЕПАЯ ЖИЗНЬ МОЯ

Один прямоугольник —
 слепая жизнь моя,
 два твердых побережья
 да черных два моста.

Когда настанет лето,
 взовьется мутный свет,
 то нету мне покоя,
 то мне покоя нет.

Как, господи, смешно мне
 и страшно в эти дни,

когда мы остаемся
одни, одни, одни.

Какие-то подружки
хлопочут за столом,
друзья теперь повсюду —
мы их не узнаем.

Как будто в старом доме,
где круглый год темно,
под вечер отворяют
полы и потолок.

И два заката сразу
пылают по углам,
и невская водичка
бежит по рукавам.

Ночной прохладный ветер,
погладь мне волоса:
по набережной этой
я ворочусь к себе.

21. БЕЛАЯ НОЧЬ

Ты стала ночью белой,
а прежде чем была?
И этот месяц целый
слабела добела.

Зачем же крыши, воды
и этот страшный свет,
мне говорили — вот ты,
а выходило нет.

Ты стала белой ночью
руками хрусталя,
и я тебя, как ноту,
учить не уставал.

Так объясни значенье
того, как спал и пил,
а по ночам на черни
все, что хотел, белил.

Ты выступала первой
из белой темноты,
была ты белой-белой,
и вот вернулась ты.

22. РЕЧНОЙ ТРАМВАЙ

Давай-ка, дружок, на трамвае речном
за месяц до смерти вдвоем поплывем
куда-нибудь на острова.

И хмурая будет ломиться Нева
в борта, и скажу тебе я, что тогда,
конечно, была ты права.

Мы крепость минуем, мы в Невку войдем,
довольно откладывая на потом
единственный разговор.
Тем более оба мы знаем ответ,
конечно же «да», и все-таки «нет» —
так тянется с давних пор.

И все-таки надо опять говорить,
как будто бы надо опять отворить
какую-то старую дверь.
А если за нею и нет ничего?
Кончается срок, и яснее всего —
Нет времени, только теперь.

Пойми, что и сам я не в силах назвать,
скажи за меня, что не смог я сказать,
целее душа у тебя.
Вглядишься в эту даль ястребиным зрачком,
ударь по железу мужским кулачком —
кораблик подходит туда.

23. МЕНЯ НЕ МУЧЬ

Двадцать лет тому назад
шелестел осенний сад,
на фанеру падал дробный дождь.
Кто-то в Савкино ушел,
кто-то положил на стол
ветку мокрую из желтых рощ.

Чайник все не закипал,
кто-то тихо закивал
и сказал: «Накрой меня пальто».
А потом сказал: «Налей».
И еще сказал: «Скорей».
Помолчал и прошептал: «Не то».

«Все не то ты говоришь,
не такая гладь и тишь,
как ты думаешь, и все не так.
Ты приехал на два дня,
ты не муж и не родня,
разожми, пожалуйста, кулак.

Положи на столик ключ,
уйди, меня не мучь.
Ты и слова-то не скажешь в простоте.
Надо лампу зажигать,
керосина нет опять,
пошуруй-ка там под чайником в плите.

Сэкономим керосин,
завтра утром в магазин,
завтра будет все как у людей.
А пока что эту ночь
помоги мне перемочь,
все темней она, дождливей, веселей...»

24. ВОСПОМИНАНИЯ

Что мне стоит припомнить Крестовский проспект,
где балтийские волны гудят нараспев
в ноябре, в наводнение, когда острова
заливают запоем залив и Нева?
Что мне стоит припомнить окно над водой,
занавешенное ветровой темнотой?
Что мне стоит припомнить, красотка, тебя —
как глядишь ты спросонья, висок теребя,
прибираючи прядь рыжеватых волос?
Я хотел бы узнать, как все это звалось.
То ли давним, забытым отпетым годком.
То ль твоим знаменитым цветастым платком.
То ль вином цинандали, что цедили тогда.
То ль трубою Армстронга, что ценили тогда.
То ли новым проспектом пятилетки стальной.
То ли первой разведкой и последней войной.
То ль Татьяной, иль Анной, Октябриной чудной,
Виолеттой нарядной и Натальей родной?
Что мне стоит припомнить? А вот не могу.
Там, где остров приподнят, на крутом берегу,
за пустым стадионом рыданья копя,
я стою мастодонтом, забывшим себя.

25. 21 ДЕКАБРЯ

Двадцать первое число —
самый темный день в году.
Так и надо, всем назло,
до конца тебя пройду.
Видели мы мрак и течь —
как ты медленно темнел!
Надо было встать и лечь
в самый темный передел.
Замутняется Кронштадт,
проступает Лисий Нос,
за меня мое решат,
только ты меня занес
в те карельские леса
на береговой припай,
где замерзли голоса
в Новый год и в Первомай.
И когда последний луч
потускнеет на весу,
я железный верный ключ
в скважину твою внесу,

и откроется мне дом,
полный мертвых молодых.
Самый темный день вдвоем
выпьем, молча, на двоих.

26. ВОРОН

Там, где мусорные баки цвета хаки
на Волхонке во дворе стоят в сторонке,
обитает юный ворон. Он проворен.
Он над баками летает и хватает
апельсиновую дольку, хлеба корку,
а потом попьет из лужи и не тужит.
Он мрачнее, но прочнее человека,
он-то знает, что прожить ему два века,
и увидит он большие перемены.
Непременно их увидит. Непременно.

27. В ЭКСПРЕССЕ НОЧНОМ

Мутно марево. Дали нечетки,
за вагоном глухие снега.
Но великое зренье ночевки
покидаю, стою у окна.

Фонари неприкаянных станций,
неприступные тени лесов
отлетают, как души в пространстве,
набегают, как тени часов.

И чем дальше, тем большую ясность
открывает последняя даль —
никогда не проходит опасность,
никуда не уходит печаль.

Все, что есть между тьмою и тьмою,
только зрение, только окно,
и оно неразлучно с тобою,
но тебе под залог вручено.

И уже не вернешь, не воскреснешь,
погибая в экспрессе ночном;
обрывая под пломбою тормоз,
ты останешься перед окном.

Я покинул чужие святыни
и последние крохи свои,
чтобы видеть глазами пустыми
обе стороны у колеи.

28. БРАТЯ, ПУСТИТЕ ДОМОЙ

Братья, пустите домой,
черное платье — долой,
дайте воды и вина,
ночь наконец не видна.

Желтый плывет абажур,
 много, но не чересчур.
 Кожа и лайка твоя —
 ах ты, зазнайка моя.
 Пусть нам Вертинский споет,
 Скрябин по клавишам бьет,
 черное это белье
 все ж не черней, чем быллье...
 Сверху бубновый валет.
 «Да, — говорю тебе, — нет».
 Поздно приходит любовь,
 поздно расходится кровь,
 кровь у тебя на губах,
 спи у меня в головах.
 Падает тонкий стакан,
 валится аэроплан,
 тонет британский линкор,
 выльется на коленкор
 самый последний глоток.
 Дай мне забыться, дружок!

29. Я ЗНАЮ

Садовых улиц дребезжанье,
 асфальта черный обелиск.
 Для возвращенья, для свиданья
 терпенья вдоволь наберись.

Пока сойдутся точка в точку
 приметы улицы пустой,
 когда тебе подкинут ночку
 не хуже и не лучше той.

Чтоб точно так же дождик шлепал,
 фонарь дробился в двойниках
 и все как в прошлый раз пошло бы —
 смешно и грустно, и никак.

И лестницы твоей предплечье,
 замка наивного секрет, —
 какой подъем мне будет легче,
 какой разгадки ярче свет?

Я знаю, копятся детали
 одна к другой, одна к другой
 и где-то спят на перевале
 приметы улицы пустой.

30. В ЭТОМ ДОМЕ

Все незнакомо в этом доме.
 Все тихо.
 Из окон вместо окоема
 видна Плющиха.
 На кухне кактус, в ванной свечка,

бутылъ томата,
 а на окне горит сердечко
 губной помады.
 Ты столько белого надела,
 как на причастье.
 И неужели ты успела
 к стеклу прижаться?
 Повсюду складки и застѣжки
 лежат волнисто.
 Переступить их осторожно
 и завалиться
 на мятом валике, на пледе,
 на одеяле,
 чтобы твои сухие плечи
 запотевали.
 Мы ничего не упустили,
 мутясь в рассудке,
 все, что имели, уплатили
 за эти сутки.
 Теперь уже не откупиться
 добром и кровью.
 Осталось нам распорядиться
 своей любовью.

31. МУЗЕ

Останемся с тобой, хоть ты на вид груба,
 твоих шершавых губ обидно шевеленье.
 Но поздно нам с тобой идти на отруба,
 и потому, что так пропустим мы Веленье.

Стрекошет аппарат, слепит электросвет,
 повсюду господам показывают фокус.
 Срезает лавры враль, хлопочет паразит,
 и только мы с тобой снимаем с меди окись.

Еще наступит день рожденья пирамид
 и конница пройдет на Загородный лавой,
 тогда-то будет счет закрыт и перемыт
 и нас с тобой возьмут в приданое с державой.

Пока терпи и жди. Труди свою мозоль,
 стой у чужих трибун и обходи их с краю.
 И все-таки еще в последний раз позволь
 сказать тебе: «Вовек тебя благословляю!»

32. ВИТОК

Старуха на бульварной лавке
 поправит ворот у мальчика.
 Сапожник обзрит на лапке
 башмак с разбитого конца.

Сочтет монеты на ладони
 алкаш перед пивным ларьком.

Начертит некто на картоне
виток в размахе мировом.

И ты в упор соображаешь,
как важен этот скорый жест,
и ты вниманье обращаешь
на славу истинных торжеств.

Пройдут века, народы, войны,
сомкнутся краешки кольца...
Старуха застегнет спокойно
свободный ворот у мальчика.

33. ПРИМИ СВОЙ УДЕЛ

Бесконечная жизнь повилики,
краснотала, репья, лопуха...
Мне достаточно и половинки,
я не знаю такого греха
за собой, чтобы вновь не воскреснуть
после смерти блаженной весной,
чтобы леса и луга окрестность
обошлась без меня, а за мной
не послала хоть облака или
разогретого ветра набег,
ведь растили меня и любили
не затем, чтоб я сгинул навек.
Вечеру пламенеет пространство,
на осине галчата галдят,
где-то там на границе славянства
угасает варяжский закат.
Засыпая на жаркой овчине,
я внимаю, хоть слух огрубел,
голосам повелительным: «Сыне,
ты вернулся, прими свой удел»,

34. ПРОСТИ МЕНЯ

Прости за то, что, слабый, старый,
я не всегда открыт тебе,
за то, что голос небывалый
не царствовал в моей судьбе.
За то, что не всегда воочью
ты предстоил передо мной,
прости, что засыпал я ночью,
а днем и вовсе был не твой.
Прости меня, мне жизнь постыла,
но дай добраться до конца.
Прости меня за все, что было,
во имя Сына и Отца.
Прости меня. Прости. Я знаю,
что безысходно виноват,
что я тебя не понимаю,
а ты мне все же будешь рад.